

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Пётр Сойфер

Петр Сойфер

Чайная церемония

<https://litres.ru/74274083>

SelfPub; 2026

Аннотация

В усадьбе в Пиренеях, посреди чайной церемонии, умирает коллекционер Жан-Люк Дюпре. Официальная версия — сердечный приступ. Судебно-психиатрический эксперт Симон Вернье уверен в другом: это ритуал, а не смерть.

Расследование затягивает его в мир, где чай — язык власти, а десять точек древнего символа Тетрактиса скрывают закрытый клуб коллекционеров, готовых на всё ради обладания редчайшими артефактами. Мастер Хань, хранитель традиции чайной церемонии, знает о ней больше, чем кто-либо, — включая то, что случилось с коллегой Симона год назад.

Каждая пиала чая здесь может быть исповедью, приговором или ядом. И чем ближе Симон к правде, тем яснее он понимает: справедливость и месть иногда пьют из одной чаши.

Психологический детектив о власти, ритуале и цене истины.

Содержание

ЧАСТЬ I: ВХОЖДЕНИЕ В ИСИН	4
Глава 1. Символ десяти точек	4
Глава 2. Грамматика пара	11
Глава 3. Первичная заварка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Петр Сойфер

Чайная церемония

ЧАСТЬ I: ВХОЖДЕНИЕ В ИСИН

Глава 1. Символ десяти точек

Дождь над Пиренеями не прекращался уже четверо суток. Он бил по лобовому стеклу служебного «Ситроена» ритмом, напоминавшим Симону Вернье что-то древнее и неотвратимое — как будто сама гора Монсегюр плакала, и её слёзы стекали по серпантину, размывая границу между Францией и Испанией.

Симону было сорок три, и он ненавидел дождь. Не потому, что промокал — он промокал редко, умея носить плащ так, чтобы вода скатывалась, не касаясь тела, — а потому, что дождь стирал границы. Границы между дорогой и обрывом, между следом и его отсутствием, между живым и мёртвым.

Телефон в кармане пиджака завибрировал в тот момент, когда машина преодолевала очередной вираж, и Симон, прижавшись лбом к стеклу, увидел внизу, в долине, оранжерею. Она светилась изнутри тусклым янтарным светом, словно

фонарь, забытый на дне колодца.

— Вернье, — ответил он, не глядя на экран.

Голос из Европола был молод, слишком молод для таких новостей: «Жан-Люк Дюпре. Мёртв. Усадьба Тетрактис. Чайная церемония. Выездная бригада задерживается — оползень на RN116. Вы ближайший эксперт с допуском».

Симон замер. Имя Дюпре повисло в салоне, тяжелее влажного воздуха.

— Причина смерти?

— Предварительно — сердечная недостаточность. Но местный комиссар настоял на вас. Сказал: «Это не сердце. Это ритуал».

Симон отключил связь и посмотрел на оранжерею. Тетрактис. Десять точек Пифагора, священная геометрия, которую Дюпре выбрал в качестве эмблемы своего элитарного клуба. Десять точек, образующих треугольник: одна, две, три, четыре. Совершенное число. Симон знал, что в древности тетрактис был клятвой, данной пифагорейцами. «Клянись тем, кто дал нам тетрактис».

Он знал и другое. Год назад, в этих же горах, в похожий дождливый вечер, погиб его коллега Антуан Бернар. Судебно-психиатрический эксперт, как и он сам. Расследовал арт-криминал, копался в теневых сделках Дюпре, звонил Симону за три дня до смерти: «Я нашёл что-то в его коллекции. Что-то, что не должно существовать». Потом — обрыв. Официальная версия: несчастный случай, падение со скалы.

Симон не верил. Но доказать было нечего.

Теперь Дюпре мёртв. В усадьбе Тетрактис. Во время чайной церемонии.

Машина подъехала к воротам. Кованая решётка, стилизованная под десять точек, медленно открылась, не издавая звука — смазанная, подумал Симон, не для гостей, а для привидений.

Усадьба представляла собой каталонскую масию XVII века: толстые каменные стены, черепичная крыша, узкие окна-бойницы. Архитектура суровая, почти военная, словно дом строился не для жизни, а для осады. Но оранжерея — пристройка XIX века — была из стекла и чугуна, викторианская фантазия, выраставшая из каменного тела как гриб на пне.

Симон вышел из машины. Дождь тут же облепил его плащ, стекал по козырьку. У входа в оранжерею стоял жандарм в мокром плаще, лицо бледное, глаза — слишком широко раскрытые.

— Вернье, судебно-психиатрический эксперт, — представился Симон, показывая удостоверение.

— Внутри, монсье. Комиссар Дюбуа. Но... подготовьтесь. Это не похоже на место преступления.

— А на что похоже?

Жандарм помолчал.

— На церковь после службы.

Внутри пахло землёй, влагой и чем-то сладковатым, тёп-

лым — запахом зелёного чая, застывшего в воздухе. Оранжерея была разделена на две части: ближняя — джунгли суккулентов, кактусов, бонсай под стеклянным куполом; дальняя — тясицу, чайная комната, отгороженная ширмой из бамбука и рисовой бумаги.

Симон прошёл мимо жандармов, стоящих среди кактусов. Их сапоги скрипели на мраморной плитке, и Симон подумал, что здесь, в этой оранжерее, звук был чужаком. Здесь должен был быть шёпот, плеск воды, треск древесного угля — но не скрип подошв.

За ширмой его ждал комиссар Дюбуа, невысокий, сухой мужчина с усами, похожими на две тонкие чёрные линии.

— Монсье Вернье. Спасибо, что прибыли так быстро.
— Дюбуа говорил шёпотом, невольно подчиняясь акустике пространства.

— Где тело?

— Увезли полчаса назад. Но я приказал ничего не трогать. Фотографы закончили.

Симон оглядел чайную комнату. Тясицу было вымощено тёмными досками морёного дуба. В центре — чабань, низкий чайный стол из старого чёрного дерева, на нём стоял чайник из исинской глины, несколько пиал, чахай — сосуд справедливости, кувшин для справедливого разлива. Всё было расставлено с педантичной точностью, словно на сцене театра кабуки.

Но Дюбуа был прав: это было похоже на церковь после

службы — в ту секунду, когда священник уже ушёл, а прихожане ещё не вошли.

— Расскажите, — сказал Симон.

— Жан-Люк Дюпре, семьдесят один год, коллекционер, основатель клуба «Тетрактис». Сегодня в четырнадцать ноль-ноль началась закрытая чайная церемония. Участники: четыре человека. Дюпре, Сибилла ван дер Бур — его ассистентка, Александр Лоран — эксперт-оценщик, Мейси Чэн — реставратор. Плюс Мастер Хань — чайный мастер, хранитель традиции. Церемония длилась уже около полутора часов. В пятнадцать тридцать Дюпре схватился за грудь, упал лицом на стол. К пятнадцати сорока пятому — смерть. Врач, прибывший с Руссильона, констатировал остановку сердца.

— Участники?

— Допрошены. Все утверждают: естественная смерть. Дюпре был стар, болел сердцем. Но...

— Но?

Дюбуа подвёл Симона к столу. Указал на осколки — тонкие, как чешуя рыбы, разбросанные на деревянной поверхности.

— Пиала Цзяньчжань. Сунская керамика, XII век. Разбита. По словам Мастера Ханя, Дюпре уронил её в агонии. Но смотрите.

Он включил фонарик. В свете луча на осколках мелькнули странные пятна — фиолетовые, едва заметные.

— И ещё, — Дюбуа отвёл Симона к краю тясицу, где стоял

стул. — Следы на столе.

Симон наклонился. На лакированной поверхности чабана, рядом с местом Дюпре, были едва заметные царапины — три параллельные линии, сделанные чем-то острым. Ногтем.

— Сибилла ван дер Бур сидела здесь, — сказал Дюбуа. — Она призналась, что нервно постукивала ногтями. Но эти царапины — глубокие. Как будто она царапала стол в панике.

Симон выпрямился. Его взгляд скользнул по комнате. Над чабаном, в углу, он заметил маленькую камеру — дискретную, почти невидимую.

— Есть запись?

— Да. Но... — Дюбуа помедлил. — Мастер Хань настаивает, чтобы её уничтожили. Говорит, что камера оскверняет церемонию.

— Мастер Хань. Где он?

Дюбуа кивнул на дальний угол оранжереи. Там, среди бонсай, стоял человек в сером льняном костюме. Ему было за шестьдесят, волосы седые, собраны в узел на затылке. Лицо — маска спокойствия, но глаза... Глаза были чёрными, слишком чёрными, и смотрели туда, куда не смотрят живые люди.

Симон подошёл. Мастер Хань не повернулся.

— Монсье Хань? — Симон говорил тихо, но отчётливо. — Я Симон Вернье, судебно-психиатрический эксперт. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Мастер Хань медленно повернул голову. Его взгляд встре-

тился со взглядом Симона, и тот почувствовал что-то странное — как будто в эти чёрные глаза кто-то смотрел из глубины веков.

— Убийство, — сказал Хань. Голос был низким, с едва уловимым акцентом, — произошло не в чаше, монсье Вернье.

— Тогда где?

— В невербальном диалоге.

Симон моргнул.

— Объясните.

— Чайная церемония — это язык. Каждый жест, каждый пролив, каждая пауза — слово. Кто-то сказал то, что нельзя было говорить вслух. Кто-то ответил. И Дюпре... услышал.

Мастер Хань отвернулся, снова уставившись в бонсай.

— Я не знаю, кто убийца, монсье Вернье. Но я знаю: сегодня в этой комнате была смерть, задуманная как искусство.

Глава 2. Грамматика пара

Симон вернулся к чабаню. Он достал из портфеля инфракрасный термограф — компактный прибор, похожий на видеокамеру, и надел защитные очки.

— Что вы делаете? — спросил Дюбуа.

— Тепловой анализ. Если в пиале было что-то постороннее, оно могло оставить след. Не всегда. Но иногда.

Он начал с осколков ближе к центру. Экран засветился ровным, скучным зелёным — остаточное тепло от чая, ничего больше. Он передвинул прибор на следующий фрагмент. Снова зелёное марево. Дюбуа за спиной начал переминаться с ноги на ногу.

— Может, это пустая трата времени, — сказал комиссар.

— Может быть.

Он проверил ещё три осколка. Ничего. Потом взял четвёртый — маленький, почти незаметный на общем фоне, — и экран вдруг вспыхнул алым.

— Что это? — Дюбуа наклонился.

— Ещё не знаю, — сказал Симон. — Этот кусок нагрет сильнее остальных. Значительно сильнее. Может быть, случайность — лежал ближе к разлитому кипятку. Может быть, нет.

Он осторожно взял осколок пинцетом, поднёс к свету. На внутренней стороне, под слоем остатков чая, обнаружились

крошечные поры — микроскопические, но заметные при боковом освещении. В порах застыло что-то беловатое.

— Похоже на воск, — сказал он. — Но это только предположение. Мне нужен химик, чтобы сказать точно.

— Зачем кому-то класть воск в пиалу?

— Если это воск — и если я прав насчёт температуры плавления... — Он не закончил фразу, вспомнив слова Мастера Ханя: «Кто-то сказал то, что нельзя было говорить вслух».

Симон осмотрел место Сибиллы. Три царапины на лаке. Он достал лупу. Под ногтем, если присмотреться, были застывшие частицы — чёрные, как смоль.

— Дюбуа, — сказал он, не отрываясь от осмотра, — вы говорили, Сибилла сидела слева от Дюпре?

— Да.

— А справа?

— Лоран. Александр Лоран.

Симон перешёл на место Лорана. Пиала стояла на блюде, но... он наклонил голову. Пиала была сдвинута на полсантиметра от центра блюда. Незначительно, но заметно для глаза, привыкшего к симметрии.

— Лоран двигал пиалу?

— Возможно. Но зачем?

— Чтобы не пить. Или чтобы пить из определённого места. — Симон встал. — Мне нужна видеозапись. И мне нужно поговорить со всеми. Отдельно.

Дюбуа кивнул.

— Мейси Чэн в реставрационной мастерской. Лоран — в малой библиотеке. Сибилла... — он помедлил, — она не выходит из оранжереи. Сидит среди суккулентов.

Симон посмотрел на чабань. Чайник из исинской глины стоял неподвижно, словно древний идол. Чахай — сосуд справедливости — пуст. Справедливость, подумал Симон, тоже бывает пуста.

Он вышел из тясичу в основную часть оранжереи. Дождь стучал по стеклянному куполу, и свет, проходя сквозь капли, дрожал на стенах призрачными бликами. Среди кактусов, на скамейке из кованого железа, сидела женщина.

Сибилла ван дер Бур была моложе, чем он ожидал — лет тридцати пяти, не больше. Высокая, сухая, с лицом, когда-то, видимо, красивым, а теперь похожим на выцветшую фреску. Она смотрела на кактус в горшке. Руки у неё были длинные, ногти — покрыты тёмным лаком. Она сжимала подлокотники скамьи так сильно, что костяшки пальцев побелели.

— Мадемуазель ван дер Бур? — Симон подошёл, не садясь.

Она медленно подняла глаза. В них не было слёз. Было что-то хуже — пустота, как будто кто-то вынул из неё всё живое, оставив только оболочку.

— Вы пришли арестовать меня?

— Почему вы так думаете?

— Потому что я молчала. — Он увидел, как дрогнули её губы. — Я сидела рядом. Я видела. И я молчала.

Симон не ответил. Он ждал.

— Он умирал, — прошептала Сибилла. — Я видела, как он схватился за грудь. Я видела, как его лицо побагровело. И я... я сделала вот так.

Она подняла руку и трижды ударила ногтями по металлическому подлокотнику скамьи — треск, треск, треск. Звук был резким, неуместным в этой тишине.

— Три раза, — сказала она. — Я всегда так делаю, когда паникую. Три раза. Остановись. Остановись. Остановись. Но он не остановился. И я... я не хотела, чтобы он остановился.

Симон молчал. Дождь гремел над головой.

— Где вы были год назад, мадемуазель? — спросил он тихо. — В ночь с семнадцатого на восемнадцатое октября?

Она вздрогнула, как будто он ударил её.

— Как вы...?

— Антуан Бернар был моим другом. Он расследовал Дюпре. И он умер.

Сибилла закрыла глаза.

— Я была здесь. В Тетрактисе. На той же церемонии. Дюпре... он тогда говорил о «чистке коллекции». О «ненужных свидетелях».

Она открыла глаза, и в них впервые мелькнуло что-то похожее на жизнь — или на ненависть.

— Я не убивала его, монсье Вернье. Но я не жалею, что

он мёртв. Это всё, что я могу вам сказать.

Глава 3. Первичная заварка

Симон вернулся в тясицу. Дюбуа ждал у входа, держа в руках планшет.

— Запись с камеры, — сказал он. — Качество плохое. Камера старая, ИК-подсветка. Но...

— Покажите.

Они сели на корточки у стены, и Дюбуа включил видео. Чёрно-белая картинка, зернистая, с рывками. Чабань сверху. Пять фигур, сидящих вокруг. Лица не различить — только силуэты, движения, жесты.

— Это начало церемонии, — объяснил Дюбуа. — Мастер Хань заваривает первый пролив. Белый чай, Бай Хао Инь Чжэнь.

На экране Хань двигался с плавностью жреца. Поднял чайник, полил воду в чахай, разлил по пиалам. Жесты были точны, ритуализированы. Потом — пиалы передвинулись к участникам. Симон заметил: Дюпре взял свою левой рукой, остальные — правой.

— Кэцзи, — сказал Симон.

— Что?

— Жест благодарности. Когда младший или гость благодарит старшего, он постукивает двумя пальцами по столу. Смотрите.

На экране, после того как все отпили, четыре пары паль-

цев постучали по дереву. Но Симон заметил разницу: Сибилла постучала одним пальцем, быстро, нервно. Лоран — двумя, чётко, как по нотам. Мейси Чэн — тремя, медленно, словно в задумчивости. Дюпре не постучал вообще.

— Он не ответил, — прошептал Симон.

— На что?

— На приветствие. В языке чайной церемонии это оскорбление. Или... испытание.

Видео продолжалось. Второй пролив — Утёсный улун, Да Хун Пао. Вода темнее, движения увереннее. Симон смотрел, ничего не находя. Третий пролив прошёл на экране за несколько секунд — обычный жест, обычная пауза.

— Прокрутите ещё раз.

Дюбуа перемотал. Второй просмотр не дал ничего нового. Симон нахмурился, вглядываясь в зернистую картинку. Что-то здесь было не так. Он не мог сказать, что именно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.